

П.А. Кузьминов

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ

П.А. Кузьминов*

Аннотация. Привлеченные историографические источники дооктябрьского периода позволяют говорить о наличии трех формирующихся историографических течений, которые концептуально отражают идеологические пристрастия авторов изучения реформы: официально-охранительное, либеральное и демократическое. Предложенная классификация конечно условна, в силу специфики становления и эволюции взглядов отдельных представителей кавказоведения.

Ключевые слова: кавказоведение, Северный Кавказ, социальные отношения, методология, историографические направления.

Вторая половина XIX в. – время крупнейших сдвигов в истории России. Отмена крепостного права, проведение других буржуазных реформ 60–70 гг. способствовало тому, что в стране развивались и утверждались товарно-денежные отношения, несмотря на многочисленные преграды и феодальные пережитки. Расширение колониальных территорий, развитие русского капитализма «вширь» требовало окончательного включения и экономического подчинения окраин России. Процесс освоения новых территорий требовал изучения народонаселения и экономических ресурсов края, что обусловило пристальное внимание к истории народов, входивших в состав России. Прав профессор-кавказовед В.Д. Дзидзоев, который утверждает: «В 70–90-е гг. XIX в. острые социальные, межнациональные и правовые противоречия достигли угрожающего предела (в Российской империи. – *Авт.*). Проникновение капитализма на Северный Кавказ имело, с одной стороны, прогрессивное значение, а с другой – было чревато негативными последствиями, так как сопровождалось заметным обострением классовых противоречий. В конце XIX в. продолжало расти политическое недовольство беднейших слоев населения многонационального региона» [16, с. 7]. Необходимо иметь в виду, что ведущая роль в изучении сложных процессов принадлежала русской науке. Изучение быта, нравов, общественных отношений, хозяйства у присоединенных народов не только приветствовалось, но и вменялось в обязанности членам кавказской администрации.

Обогащение науки шло за счет качественных изменений коренных понятий, дискуссионности их трактовки и понимания историками, представлявшими разные общественно-политические направления.

В отличие от первой половины XIX в., когда российская историческая мысль испытала серьезное увлечение европейскими общесоциологическими концепциями (кантианство, шелингсти-

анство, гегельянство и др.), в 60-е годы больше учитывался «багаж», накопленный наукой в области национального самопознания. Настойчивый интерес проявлялся в основном к позитивизму. Представители данного направления философской мысли опирались в теории познания не на обобщение и построение глобальных схем развития общества, а на данные опыта, эксперимента, точные сведения документа, собранные этнографические материалы. Позитивисты признавали важнейшей причиной социальных изменений политику государства и этногенетическое наследие прошлых поколений. Задачей историка они считали познание исторических явлений, являющихся необходимым результатом предыдущего и последующего [1, т. 2, с. 371]. Анализ социальных преобразований у народов Северного Кавказа шел по линии сбора положительных данных об особенностях реформы, то есть в позитивистском русле европейской историографии.

Накопление материалов о различных сторонах жизни народов Кавказа, необходимость «обнародования и распространения правительственных распоряжений и верного истолкования интересов разноплеменного населения края, его прошедшей жизни и современного экономического и общественного быта» [2, д. 241, л. 1], отмечал начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов, предопределили открытие на Северном Кавказе сначала официальных периодических изданий, а потом – и частных. Особое значение в деле публикации исторических сведений о народах Кавказа, в частности о реформе, имели крупнейшие газеты: «Кавказ», «Ставропольские ведомости», «Терские ведомости», «Кубанские войсковые ведомости», «Казбек», «Терек», «Новое обозрение» и др., а также периодические ежегодники «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник сведений о Северном Кавказе», «Терский сборник», «Кубанский сборник» и т. д.

Существенное увеличение объема публикаций о народах Северного Кавказа во второй поло-

* Кузьминов Петр Абрамович – д. и. н., профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им Х.М. Бербекова (Petrakis_hist@bk.ru).

вине XIX в. позволило Е.С. Тютюниной высказать предположение о существовании определенных центров, которые выполняли функции организаторов исторического кавказоведения. Ими были «три основные группы: административные органы, периодическая печать, общественные организации (научные общества)» [3, с. 114].

Ведущее место занимали правительственные учреждения: Кавказский комитет, аппарат наместника Кавказа, особенно Кавказское горское управление, администрации Дагестанской, Кубанской и Терской областей, управления округов и отделов, на которые делились области, различные комитеты и комиссии, создаваемые по различным поводам. Они были необходимы для органов власти, поскольку для принятия взвешенных административных решений, нужны были точные сведения, учитывающие не только конкретную ситуацию, но и историю проблемы, менталитет народа, возможную реакцию горского общества. Наиболее ценный фактологический материал был собран сословно-поземельными комиссиями 40–70-х годов XIX в., которые подготовили и провели эмансипацию зависимых сословий [4].

Всестороннее научное исследование проблемы формирования нового общественного устройства на Северном Кавказе в XIX в. позволяет определить место и роль реформ в снятии социально-политической напряженности между сословиями, между элитами горского социума, между сословиями и кавказской администрацией и в создании цивилизованных отношений, построенных на нормах российского права, адата и шариата, диалоге и взаимопонимании. Обращая внимание, что «промышленный взлет полностью преобразил многие области Российской империи. Десятки новых крупных заводов определили лицо промышленной карты империи. Господство монополии составляло экономическую сущность Российской империи, а магнаты финансового капитала – верхушка монополистической буржуазии, финансовая олигархия – сосредоточили в своих руках важнейшие рычаги влияния во всех сферах экономики и политики...» [17, с.10]. Однако для истории науки важным является исследовать с объективных позиций сам процесс изучения реформ, поскольку он открывает массу скрытой от «любителя» информации, помогает выявить имманентные пружины развития гносеологии преобразований общества.

Признание фактора относительности и принципиальной неполноты знаний о прошлом существенным образом меняет сложившиеся представления о познавательных возможностях и практике исторического исследования. Утверждающееся «понимание истории как постоянно возобновляющейся дискуссии, территории, подверженной интеллектуальному эксперименту, влечет за собой поиск более надежных способов получения научного знания» [5, с. 21]. Этим средством

движения к «закрытым» ранее зонам исторического знания, формой проникновения в прошлое и исследовательской практикой является историография.

Опираясь на достижения дореволюционной историографии в области теории исторического познания о наличии внутренних механизмов развития науки, мы предприняли попытку выявить их, проследить связь и преемственность в формировании различных взглядов и подходов при анализе различных сторон общественной жизни горских народов. Это подвело нас к необходимости исследовать изучение истории сословий с точки зрения сложившихся в науке различных направлений. Правомерность и важность исследования истории науки или, как в нашем случае, истории отдельной проблемы с методологически обоснованной позицией конструктивного сосуществования в науке различных течений обосновали корифеи дореволюционной историографии. В конце XIX – начале XX в. М.О. Коялович, К.Н. Бестужев-Рюмин, П.Н. Милюков, В.С. Иконников, А.С. Лаппо-Данилевский и др. предлагали различные, хотя и не всегда удачные, варианты названия школ, течений или направлений в исторической науке XIX в. [6]. В научном обиходе использовались термины, которые возникли в общественной практике, чаще всего в пылу полемики (скептическая школа, славянофилы, западники, юридическая школа и др.). Для определения историографических школ (направлений, течений) историки выработали внешние критерии: национальная принадлежность, отношение к источнику, методы исследования, проблематика, принадлежность к определенному университету, географический принцип, влияние философских теорий [7, с. 170]. Так, А.С. Лаппо-Данилевский в значение термина «школа-направление» вкладывал концептуальные различия в понимании историками основных задач русской истории, понимая под ним «коллективно выработанные идеи, приводящие к оформлению общих предметно-логических основ научного творчества» [8, с. 56]. Определение достаточно аморфное, но вычленяющее главный признак научной школы – своеобразие исторической концепции.

Поставив цель исследовать развитие исторической мысли на примере изучения ею какой-либо эпохи, процесса, явления или события, историограф должен, по мнению С.О. Шмидта, по крайней мере, ответить на несколько вопросов. Что оказывало воздействие на развитие исторической мысли (факторы общественно-политической жизни)? Что изучалось (проблематика исторических трудов, включая вопрос о соотношении изучения общих и частных проблем исторического развития; источниковая база исследований)? С каких позиций изучалось (теоретико-методологические принципы работы историков, включая данные об общественно-политической борьбе в сфере исторической науки)? Как изучалось (ис-

точниковедчески-методические приемы работы историков)? Кем изучалось (сведения об отдельных историках и о научных коллективах, включая данные о научной, творческой биографии исследователя)? Как изученное становилось достоянием других (распространение исторических знаний и в среде специалистов, и среди широкой общественности)? Каково воздействие исторической мысли на общественную жизнь (прежде всего, как историческая мысль способствовала развитию самосознания народа)? Каковы причинно-следственные связи историографических явлений [9, с. 182]? Представляется, что актуализация этих вопросов ученым связана с известным афоризмом А.С. Лаппо-Данилевского: «Всякая деятельность измеряется не только результатом, но и задачами» [10, с. 90].

Изучение трансформации социальных отношений у горских народов Северного Кавказа, затронувшей в той или иной степени почти все население региона, было актуальной проблемой дореволюционной историографии. Она привлекла пристальное внимание, как современников, так и последующих исследователей. В Тифлисе, Владикавказе, Ставрополе, Екатеринодаре, Москве, Петербурге и других городах публикуются статьи, очерки, заметки о реформе у горцев Кавказа. Авторы этих работ, как правило, идеализируют деятельность кавказской администрации, преувеличивают и возвеличивают царя-реформатора Александра II. Тем не менее именно дореволюционная историография начала разработку этой сложной проблемы, здесь появилось концептуальное осмысление, столкнулись идеологические пристрастия. Этим определяется интерес к ее достижениям.

Привлеченные историографические источники дооктябрьского периода позволяют говорить о наличии трех формирующихся историографических течений, которые концептуально отражают идеологические пристрастия авторов изучения реформы: официально-охранительное, либеральное и демократическое. Предложенная классификация, конечно, условна, в силу специфики становления и эволюции взглядов отдельных представителей кавказоведения. При выделении и обосновании этих течений мы испытывали определенные трудности и в силу общей неразработанности этих проблем в историографии и дискуссионности многих положений. «Важной методологической задачей историографии, – еще четверть века назад отмечала А.Е. Шикло, – является определение принципов выделения направлений в исторической науке и критериев отнесения того или иного историка к определенному направлению. Трудности ее решения объясняются сложностью социальной структуры самого российского общества, многообразием течений и направлений в общественно-политической жизни, различиями теоретико-методологических основ исторических

концепций. Недостаточно определены и сами понятия: «направление», «течение», «школа» [11, с. 119]. С тех пор ситуация в данном вопросе мало изменилась. Сказанное еще в большей степени касается историографии кавказоведения, где к решению этих проблем только приступают. Добавим, что одним из критериев отнесения исследователя к тому или иному историографическому течению явились не только отражение в работе степени прогрессивности или консервативности реформы, но также политические, идеологические и социальные пристрастия автора.

Одной из особенностей дореволюционного кавказоведения было отсутствие на Кавказе, за некоторым исключением, специалистов с систематическим научным образованием, как среди местной интеллигенции, так и среди представителей русской администрации. О характере общественных отношений и их преобразовании у горцев, казаков, русского населения писали в основном офицеры Кавказского корпуса, чиновники, публицисты, журналисты, путешественники, отдыхающие на Кавказских Минеральных Водах, которые на основе личных впечатлений, чужих рассказов, сведений, уже опубликованных в СМИ, или отдельных подборок официальных документов освещали известные им факты и события. Это налагает особый отпечаток на их работы. В них часто приводятся противоречивые суждения, отсутствуют теоретические обобщения, искажаются фамилии и факты описываемых событий.

Можно ли эти «аморфные» публицистические зарисовки «сведущего» человека принимать как полноценный «строительный материал» науки? Правомерно ли отождествлять их с историографическими источниками и фактами? По нашему мнению, да. Во-первых, других у нас просто нет. Во-вторых, «многие исторические концепции, например, концепции французской буржуазной революции конца XVIII в., – отмечал академик А.Л. Нарочницкий, – впервые сформулированы в публицистике, памфлетах, прессе того времени» [12, с. 7]. В частности, официальная концепция крестьянской реформы у народов Терской области озвучена именно в местной печати. В-третьих, установлено, что эффективность развития и распространения научных взглядов и представлений определяется не только особо выдающимися исследованиями, которых, как правило, не бывает много. Тенденции развития науки обнаруживаются зачастую яснее в периодических изданиях, в дискуссиях, в памятниках общественной публицистики [13, с. 10]. Приводимый материал, кажется, подтверждает эту мысль известного медиевиста. В-четвертых, для познания «климата» и особенно «микроклимата» науки необходимо, – подчеркивает С.О. Шмидт, – последовательно изучать рядовые историографические факты, типичные для той или иной эпохи: «забытые» имена и издания, научные общества и учреждения, систему

распространения исторических представлений [14, с. 265]. В-пятых, развитие исторических и общественных представлений об эпохе реформ определялось теми работами, которые были опубликованы и благодаря этому стали достоянием широкого круга читателей, любителей истории родного края или ученых. Они формировали как концептуальное, так и общественное звучание

поднятой проблемы, в силу чего мы просто не имеем права их игнорировать.

Совокупность этих историографических источников, под которыми мы, вместе с С.О. Шмидтом, понимаем «всякий источник познания историографических явлений» [15, с. 357], позволяет определить магистральный вектор развития кавказоведения в дореволюционный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Историография истории России до 1917 года.** В 2-х т. – М., 2003.
2. **Письмо** начальника Терской области начальнику Кабардинского округа полковнику А.А. Нуриду о целях издания областной газеты «Терские ведомости» // ЦГА КБАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 241.
3. **Тютюнина Е.С.** К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX века. // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа. (Дореволюционный период). – Нальчик, 1989.
4. **Кузьминов П.А.** Деятельность сословно-поземельных комиссий в 40–70-х гг. XIX в. в Центральном Предкавказье // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на Северном Кавказе. – Нальчик, 2002.
5. **Хлынина Т.П.** Идеи «географического синтеза» и проблемы исторических исследований // Вопросы теории и методологии истории. Сб. научных трудов. – Майкоп, 1987. Вып. 2.
6. **Киреева Р.А.** Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. – М., 1983; **Цамутали А.Н.** Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. – Л., 1977; **его же.** Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки / Ответ. ред. Б.В. Ананьич. – Л., 1986.
7. **Иллерицкая Н.В.** Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография. – М., 1996.
8. **Лаппо-Данилевский А.С.** Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
9. **Шмидт С.О.** Архивный документ как историографический источник // С.О. Шмидт. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997.
10. **Пресняков А.Е.** Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. – Пг., 1922.
11. **Шикло А.Е.** Современная советская литература по истории отечественной исторической науки эпохи капитализма // История СССР. 1983. № 5.
12. **Нарочницкий А.Л.** О преподавании историографии в высшей школе // Вопросы истории. 1973. № 6.
13. **Косминский Е.А.** Историография Средних веков. – М., 1963.
14. **Шмидт С.О.** Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории, общественной мысли и историографии (к 75-летию академика М.В. Нечкиной). – М., 1976.
15. **Шмидт С.О.** Исследования по древней и новой литературе // Сборник статей, посвященный 80-летию Д.С. Лихачева. – Л., 1987.
16. **Дзидзоев В.Д.** Зарождение и развитие правовой мысли и общественно-политических процессов в Осетии во второй половине XIX в. – Владикавказ, 2008.
17. **Дзидзоев В.Д.** Экономическое и общественно-политическое состояние Северной Осетии в начале XX в. 1900–1917 гг. (Издание третье). – Владикавказ, 2003.

THENORTH CAUCASUS SOCIAL ELATIONSHIP PROBLEM STUDY IN PRE-REVOLUTIONARY PERIOD THE PROBLEM

P.A. Kuzminov

Dr., professor, Department of History of Russia KBSU

Abstract. The involved historiographic sources of the pre-October period allow us to speak about the existence of the three formed historiographic currents which conceptually reflect ideological addictions of the authors studying the reforms: official and guarding, liberal and democratic. The offered classification is conventional of course, owing to specifics of formation and evolution of views of some representatives studying Caucasus.

Keywords: Caucasus Studies, the North Caucasus, social relations, methodology, historiographical directions.

REFERENCES

1. Istoriografiya istorii Rossii do 1917 goda. V 2-kh t. – М., 2003.
2. Pis'mo nachal'nika Terskoy oblasti nachal'niku Kabardinskogo okruga polkovniku A.A. Nuridu o tselyakh izdaniya oblastnoy gazety «Terskie vedomosti» // TsGA KBASSR. F. 2. Op. 1. D. 241.
3. Tyutyunina E.S. K voprosu ob organizatsionnykh formakh istoricheskogo kavkazovedeniya vo vtoroy polovine XIX veka. // Voprosy istorii i istoriografii Severnogo Kavkaza. (Dorevolutsionnyy period). – Nal'chik, 1989.
4. Kuz'minov P.A. Deyatel'nost' soslovno-pozemel'nykh komissiy v 40–70-kh gg. XIX v. v Tsentral'nom Predkavkaz'ye // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu na Severnom Kavkaze. – Nal'chik, 2002.
5. Khlynina T.P. Idei «geograficheskogo sinteza» i problemy istoricheskikh issledovaniy // Voprosy teorii i metodologii istorii. Sb. nauchnykh trudov. – Maykop, 1987. Vyp. 2.
6. Kireeva R.A. Izuchenie otechestvennoy istoriografii v dorevolutsionnoy Rossii s serediny XIX v. do 1917 g. – М., 1983; Tsamutali A.N. Bor'batecheniy v russkoy istoriografii vo vtoroy polovine XIX veka. – Л., 1977; ego zhe. Bor'ba napravleniy v russkoy istoriografii v period imperIALIZMA: Istoriograficheskie ocherki / Otvet. red. B.V. Anan'ich. – Л., 1986.
7. Illeritskaya N.V. Stanovlenie sovetskoy istoriograficheskoy traditsii: nauka, ne obretshaya litsa // Sovetskaya istoriografiya. – М., 1996.
8. Lappo-Danilevskiy A.S. Ocherk razvitiya russkoy istoriografii // Russkiy istoricheskiy zhurnal. 1920. Kn. 6.
9. Shmidt S.O. Arkhivnyy dokument kak istoriograficheskiy istochnik // S.O. Shmidt. Put' istorika. Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii. – М., 1997.
10. Tsit. po: Presnyakov A.E. Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskiy. Pg., 1922.
11. Shiklo A.E. Sovremennaya sovetskaya literatura po istorii otechestvennoy istoricheskoy nauki epokhi kapitalizma // Istoriya SSSR. 1983. № 5.
12. Narochnitskiy A.L. O prepodavanii istoriografii v vysshey shkole // Voprosy istorii. 1973. № 6.
13. Kosminskiy E.A. Istoriografiya Srednikh vekov. – М., 1963.
14. Shmidt S.O. Nekotorye voprosy istochnikovedeniya istoriografii // Problemy istorii, obshchestvennoymysli i istoriografii (k 75-letiyu akademika M.V. Nchkinoy). – М., 1976.
15. Shmidt S.O. Issledovaniya po drevney i novoy literature // Sbornik statey, posvyashchennyy 80-letiyu D.S. Likhacheva. – Л., 1987.
16. Dzidzoev V.D. Zarozhdenie i razvitie pravovoy mysli i obshchestvenno-politicheskikh protsessov v Osetii vo vtoroy polovine XIX v. Vladikavkaz. 2008.
17. Dzidzoev V.D. Ekonomicheskoe i obshchestvenno-politicheskoe sostoyanie Severnoy Osetii v nachale XX v. 1900–1917 gg. (Izdanie tret'ye). – Vladikavkaz, 2003.